

М. Фрончек
(Краков)

У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот

Статья посвящена фольклорной и этнографической деятельности Яна Чечота, который в своих произведениях хотел не только увековечить проявление уникальной культуры для будущих поколений, но и создать научное описание белорусского языка. Автор обращается к наиболее важным фактам и произведениям, которые характеризуют Чечота как белорусского фольклориста и этнографа.

Ключевые слова: *фольклористика, белорусские песни, этнография, Ян Чечот.*

Знаць Чачота ўсе павінны...
Ф. Багушэвіч¹

Может показаться, что о литературе польского романтизма и предромантизма сказано уже все и больше сказать невозможно: написаны тысячи научных работ и проведены сотни исследований. Однако есть одна неприметная личность, влияние которой на польскую и белорусскую литературу первой половины XIX столетия нельзя переоценить. Эта личность – Ян Чечот².

История не совсем хорошо обошлась с творческим наследием Чечота, который сегодня является поэтом малоизвестным, даже забытым³. В сознании читателей Чечот присутствует прежде всего как друг Адама Мицкевича, один из тех, кому тот посвятил первый том своей поэзии⁴. Однако роль, которую сыграл Чечот в истории литературы и науки, выходит далеко за рамки этого посвящения и даже дружбы с Мицкевичем, хотя следует отметить, что для самого Мицкевича эта дружба имела ключевое значение. Будучи ближайшим другом Мицкевича, Чечот особым образом заботился о нем и его творчестве: собирал рукописи, делал копии текстов⁵, он был первым, кто увидел в Мицкевиче гения и предсказал ему славу национального поэта-пророка. Наконец, именно Чечот стал редактором второго сборника поэзии Мицкевича, в состав которого вошли II и IV часть драматической поэмы «Дзяды» и поэма «Гражина».

Первые стихи Яна из Мыши⁶, как называли Чечота в кружке филоматов⁷, также оказали влияние на форму ранней поэзии Мицкеви-

ча. Он первым заинтересовал будущего автора «Баллад и романсов» белорусской народной песней, указал на возможность использования сюжетов из народного творчества в поэзии. В то время, когда Мицкевич писал еще стихи исключительно классицистические, Чечот в своих произведениях не только перерабатывал услышанные в детстве народные легенды и сказки, но и пытался записать их в форме стихов на диалекте кривичей – так он называл язык, на котором говорили местные крестьяне.

Роль Чечота в интересующей нас области – фольклористике – не ограничивалась только использованием в поэзии сюжетов белорусского народного творчества. В отличие от его друзей-филоматов, увлечение Чечота культурой белорусских крестьян не было только модой, а возникло изнутри его личности и являлось основой его мировоззрения. Он – сын управляющего, был воспитан среди крестьян и уже в раннем детстве узнал обо всех обычаях и традициях белорусского народа, влюбился в его песни и сказки, в которых видел сокровищницу моральных и художественных ценностей.

В молодости вместе с Мицкевичем Чечот участвовал в народных ярмарках и свадьбах, обжинках⁸ и похоронах. Однако насколько Мицкевич после первоначального увлечения фольклором, вместе с развитием его поэтического таланта, поднялся на высший уровень поэтической рефлексии, настолько Чечот на протяжении всей жизни остался верным народности, и в своем творчестве как в период общества филоматов, во время ссылки в глубь России, так и после возвращения из ссылки он не вышел за рамки народной песни⁹. Именно в этом заключается значение Чечота как поэта, фольклориста и этнографа.

Большинство филоматов, включая Мицкевича, обращение к белорусскому фольклору воспринимало как проявление эстетических предпосылок романтизма и привязанность к месту рождения (местный патриотизм). Чечот первым заинтересовался культурой и языком крестьян, проживавших на территории между Неманом и Западной Двиной, на более научном уровне. Именно он предпринял попытку создать классификацию белорусского фольклора. Для этого он собирал народные сказки и песни, проводил этнографические исследования, пробуя создать первое научное описание белорусского языка¹⁰.

Работу над сборником народных песен Чечот начал в 1833 г. в Лепеле, Витебской губернии. Здесь появились три первые томика из серии «Piosnek wieśniaczuch», которые были изданы в типографии Юзефа Завадского в Вильно в 1837, 1839 и 1840 гг. анонимно, потому что фамилии Чечота как ссыльного нельзя было печатать¹¹.

Очередные три тома песен были изданы уже после ссылки, во время пребывания Чечота в Щорсах, Бартниках и Долматовщине. Они опубликованы, как и предыдущие, в типографии Завадского¹².

В предисловии к первому из двух сборников под заглавием «Песни крестьян с Немана и Западной Двины» Чечот объяснил принципы своей фольклорной деятельности и способ подготовки к изданию собранных песен. Редакторские записи он дополнил краткой характеристикой белорусского народа, в которой звучит своеобразный дидактический тон защитника крестьян, призывающий дворянство проявлять солидарность с народом: «Наши крестьяне, – говорит автор, – народ добрый, мягкий, трудолюбивый и добродушный, он должен вызывать в нас доброжелательные чувства. Только с народом мы можем жить счастливо. За их физическую работу мы должны предоставлять им результаты умственного труда и просвещение, только таким образом мы можем умножить общее благосостояние»¹³.

Чечот говорит, что интеллигенция может многое взять из легенд, сказок и песен, которые являются источником «нежных, красивых, тонких даже и глубоких чувств»¹⁴ крестьян. Народные песни, по мнению Чечота, могли бы объединять крестьян и дворян, быть проводником ценностей и идей между деревней и домом помещика; песни могли бы стать элементом национальной культуры, который скрепляет в одно два слоя формирующейся нации.

Однако, как замечает Ришард Радзик, увлечение Чечота белорусским народом, его культурой и языком возникло не в связи с уверенностью Чечота в том, что этот народ может стать самостоятельным, тем более не хотел он таким образом поддерживать белорусскость в национальном понимании¹⁵. Чечот, как и многие интеллигенты его времени, нацией считал общество, которое выросло на почве общих убеждений и территории, при этом он одобрял все типы этого общества. Белорусский язык, которым пользовались крестьяне, он считал чертой, характерной для одного из слоев общества, которое составляло в эти времена польскую нацию. Он очень хотел познакомить интеллигенцию как с этим языком, так и с народной культурой. Итак, о языке крестьян Чечот думал, во-первых, как о характерной черте среды, в которой он вырос и которую вспоминал с ностальгией, во-вторых – как о предмете изучения (исследования), при этом воспринимая его как элемент общенациональной (польской) культуры, компонент исторической непрерывности сообщества на определенной территории¹⁶. Такое – культурное и этническое – понимание белорусскости совпадало с мнением многих представителей интеллигенции первой половины XIX столетия.

Чечот знал, что белорусский язык в прошлом был литературным языком, то есть имеющим собственный алфавит и форму записи. Этот язык являлся – по мнению Чечота – общим для дворян и крестьян¹⁷. Поэтому Чечот старался собранные песни жителей деревни воссоздать не только в их оригинальном звучании, но и в записи.

Это намерение порождало много проблем, с которыми поэт боролся на протяжении всего времени работы над сборниками песен. В первых томах он поддался существующей тогда моде переводить крестьянский диалект на литературный язык – в данном случае на польский. Однако он считал, что этот метод несовершенный, и в конце предисловия к этому циклу писал: «В другое время и когда собрание песен увеличится, я собираюсь издать их в подлиннике»¹⁸.

Метод двойной записи песни – в художественной обработке и в оригинальной версии – Чечот использовал в позднейших сборниках, в частности в «Песенках крестьян с Немана и Западной Двины. Некоторых пословицах и идиомах в речи славяно-кривичкой, с замечаниями» («Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia i idyotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi»), в которых он собрал итоги своих исследований о языке и культуре белорусского народа.

Характерно, что последний том «Piosnek wieśniaczych» Чечот посвятил Станиславу Сташицу – общественному деятелю эпохи Просвещения, который стремился улучшить положение крестьян. Этот жест придает работе Чечота уникальное общественное и национальное значение, так как поэт утверждает себя здесь как зрелый исследователь белорусской народной культуры. В шестой сборник песен, помимо обширного вступления, Чечот включил сто самобытных народных песен, известных на территории от Немана до Западной Двины, словарь белорусских слов с некоторыми идиомами и собрание пословиц.

В своих рассуждениях о диалекте кривичей Чечот сосредоточил внимание на поиске различий между польским языком, который использовало дворянство, и белорусским, на котором говорили крестьяне. На основании собранных песен он выделил некоторые морфологические различия между этими языками, а также фонетические расхождения, например отсутствие согласных звуков «ф» и «г» (взрывное) и аканье.

Однако Чечот не сумел сопроводить эти наблюдения более широким грамматическим комментарием. Он сожалел, что анализ его получился несколько поверхностным. «Я очень хотел бы, – писал Чечот, – иметь столько знаний и умений, чтобы составить какой-либо грамматико-исторический портрет этого языка и подготовить подробные заме-

чания для исследователей славянских языков. Но так как этому быть не суждено, я вынужден ограничиться лишь только подготовкой небольших заметок и представить некоторые наблюдения, которые у меня появились по этому вопросу»¹⁹.

Чечот обратил внимание на необходимость разработки принципов белорусской орфографии, сожалел, что насчитывающий несколько миллионов носителей белорусский язык все еще не имеет ни грамматики, ни словарей. Он призывал филологов устранить это упущение, и, чтобы показать хороший пример, сам разработал небольшой словарь белорусских слов (всего 238 словарных статей) и словарь идиом, в который поместил белорусские слова, отличающиеся от остальных славянских языков звучанием. Он был убежден, что собрание большого количества идиом кривичей сможет показать сходство белорусского языка и санскрита. В первой половине XIX в. считалось, что сходство с санскритом проявляется лишь в языках народов высокой культуры²⁰.

В конце шестого тома Чечот собрал кривичские пословицы, которые разместил в алфавитном порядке по инципитам. Он знал, что это не самый удачный способ записи, но другой возможности их систематизации он не нашел. «Я собрал едва ли не все пословицы, – писал Чечот во вступлении, – которые я слышал в детстве, которые я помню, которые использовались и в дворянской среде. Имея совсем немного пословиц, я не мог записать их иначе как в алфавитном порядке, чтобы тому, кто заинтересуется этим вопросом, было легче их затем разобрать: первоначально согласно алфавитному порядку, потом – по содержанию. Я не мог также сравнить их с какими-либо пословицами, ранее изданными на других славянских диалектах, из-за отсутствия соответствующих изданий»²¹.

Таким образом, Чечот записал 130 белорусских пословиц в алфавитном порядке и 15 по календарному циклу – относящихся к традиции праздников. В отдельной части он поместил 40 языковых выражений, которые люди использовали в качестве пословиц. Последней частью этого сборника пословиц является список поговорок из произведений Клементины Гофман-Танской, польской детской писательницы, которая являлась первой в Польше женщиной, жившей за счет своей педагогической и литературной деятельности.

Паремиологическое наследие Чечота, хотя и небольшое, свидетельствует о том, что и в этой области народоведения он явился одним из первых исследователей-паремиологов эпохи романтизма, работавших на территории сегодняшней Беларуси²².

Исследования Чечота следует признать пионерскими в области народоведения. Крестьянские песни, собранные в шести томах, оказали

сильное влияние на белорусскую литературу второй половины XIX в. Многие песни, приписываемые авторству Теофиля Ленартовича²³ либо Эдмунда Бояновского²⁴, основываются непосредственно на «Piosenkach wieśniaczuch» Чечота. Это не единственный случай, когда другие использовали его произведения: так, например, некоторые стихи Чечота, его песни, подражающие белорусскому фольклору, сегодня существуют как пример настоящего народного творчества²⁵. Вина в том и сам Чечот, который, правда, на склоне лет, опубликовал свои песни и стихи в Вильне, но опубликовал анонимно и таким малым тиражом, что в настоящее время их можно найти лишь в нескольких библиотеках.

Все это означает, что по прошествии ста шестидесяти лет с момента последнего издания «Piosenki wieśniacze» Чечота всё еще ждут внимания филологов и редакторов. А произведение это стоит внимания не только как источник новой информации о раннем периоде творчества Мицкевича, но и, прежде всего, как источник знаний о белорусской фольклористике и языковедении, которые начали свое становление как раз в песнях Чечота²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Все должны знать Чечота». – *Багушэвіч Ф.* Творы. Мінск, 1967. С. 287.
- 2 Ян Чечот (польск. *Jan Czeczot*, белор. *Ян Чачот*, лит. *Jonas Čečiota*; 1796–1847) – польский, белорусский и литовский поэт, фольклорист и этнограф, член общества филоматов. В статье намеренно опущены многие биографические сюжеты, так как они не столь важны для исследования в интересующей нас области. Внимание уделено лишь тем фактам из жизни автора, которые оставили след в его фольклорном творчестве. Более подробно о жизни Яна Чечота см.: *Świrko S.* Z Mickiewiczem pod rękę, czyli życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa, 1989. См. также: *Яцкевіч З.* Радавод Яна Чачота. Мінск, 1996; *Цвірка К.* След на цаліку. Творчы шлях Яна Чачота // *Беларусіка Albaruthenica* / Пад рэд. Н. Давыдзенка, А. Мальдзіса. Мінск, 1998. № 10. С. 17–27; *Мархель У.* Станаўленне Яна Чачота як паэта і фалькларыста // Там же. С. 33–40; *Крамко І.* Спадчына Яна Чачота як выток беларускага мовазнаўства // Там же. С. 53–58; *Он же.* Чачот Ян // *Беларуская мова. Энцыклапедыя* / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 611–612; *Лысенка І.* Ян Чачот у гісторыі беларускага мовазнаўства // *Роднае слова* (1997). № 2. С. 53–58.

- 3 Поэтическое наследие Чечота – многочисленное, но рассеянное по рукописям и малоизвестным журналам, сегодня почти недоступным, – не вызывало интереса исследователей. На сегодняшний день опубликовано около дюжины статей и одна (неполная) монография о жизни и творчестве этого филомата, тогда как его друзьям – Эдуарду Одынцу, Томашу Зану и Онуфрию Петрашкевичу – посвящено куда больше работ.
- 4 В дарственной надписи Мицкевич написал: *«Яну Чечоту, Томашу Зану, Юзефу Ежовскому и Францишку Малевскому – друзьям моим в память счастливых минут молодости, которые я пережил с ними, посвящаю»* [в подлиннике: *«Janowi Czeczotowi, Tomaszowi Zanowi, Józefowi Jeżowskiemu i Franciszkowi Malewskiemu – Przyjaciółom moim na pamiątkę szczęśliwych chwil młodości, którą z nimi przeżyłem, poświęcam»*]. См.: *Mickiewicz A. Poezyje*. Wilno, 1822. S. 5.
- 5 *Świrko S. Z Mickiewiczem...* S. 8.
- 6 В раннем детстве Яна семья Чечотов переселилась из Малюшиц, где Чечот родился, в Жепихов, недалеко от Новой Мыши, где Тадеуш Чечот – отец Яна – стал управляющим в имении графа Тизенгауза.
- 7 Тайное патриотическое и просветительское объединение студентов Виленского университета (1817–1823).
- 8 День народного календаря славян и обряд завершения жатвы.
- 9 *Stankiewicz S. Pierwiastki białoruskie w polskiej poezji romantycznej*. Wilno, 1936. Cz. 1. S. 49.
- 10 Не будучи специалистом-языковедом, тем более не зная исторической грамматики белорусского языка, мы не беремся в данной статье оценить приведенные Чечотом замечания о языковых особенностях его произведений. Это решение объясняется тем фактом, что даже такие исследователи, как Ян Прусиновский (Jan Prusinowski), Леонард Подгорски-Околув (Leonard Podhorski-Okołów), Станислав Станкевич (Stanisław Stankiewicz), Станислав Сwirkо (Stanisław Świrko), Мстислав Олехнович (Mścisław Olechnowicz), имеющие соответствующее знание и исследовательский опыт, не решились сопоставить замечания Чечота о белорусском языке с современным состоянием изучения истории и грамматики этого языка.
- 11 *Świrko S. Z Mickiewiczem...* S. 311 [примечание].
- 12 Там же. С. 256.
- 13 *Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. We dwóch częściach*. Wilno, 1837. S. V–VIII. «Włóścianie nasi lud dobry, łagodny, pracowity i poczciwy, powinni wzbudzać w nas najprzychylniejsze ku sobie uczucia. Z nimi możemy być szczęśliwi. Za pracę rąk ich udzielając im pracy umysłu i oświecenia naszego, możemy pomnożyć dobro powszechnę».

- 14 Там же. С. VIII. «Tkliwych, pięknych, delikatnych nawet i głębokich uczuć».
- 15 *Radzik R.* Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000. S. 208.
- 16 Там же. С. 209.
- 17 Там же.
- 18 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 245. «Na inny czas i gdy się zbiorok pieśni pomnoży, zachowuję sobie wydanie ich z tekstem oryginału».
- 19 *Czczot J.* Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. S. V. «Chciałbym bardzo mieć tyle nauki i zdolności, abym dał jakiś rys gramatyczno-historyczny tego języka i dla badaczy słowiańszczyzny przysposobił gruntowne uwagi, ale że to być nie może – ograniczyć się muszę samym przygotowaniem dla nich podobnych uwag niewielkiego materiału i rzucić niektóre choć nieszykowne postrzeżenia, jakie mi się w tym względzie nastreczyły».
- 20 *Olechnowicz M.* Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. Łódź, 1986. S. 224.
- 21 *Czczot J.* Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia... S. XXXI. «Przysłowia, którem zebrał są ledwie nie wszystkie przypomniane, słyszane w latach dziecinnych, powtarzane i między szlachtą. Nie mając wielu ich, nie mogłem uszykować inaczej jak alfabetycznie, aby nawet komuś chcącemu pomnożeniem się ich zajmować, ułatwić sposób alfabetycznego zebrania, a potem ułożenia systematyczniejszego podług treści. Nie mogłem też porównać z żadnymi dotąd wydanymi przysłowiami w innych słowiańskich dialektach, nie mając książek zawierających je pod ręką».
- 22 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 266–267.
- 23 Ленартович Теофиль (1822–1893), польский этнограф, скульптор и романтический поэт.
- 24 Бояновский Эдмунд (1814–1871), польский «благословенный» католической церкви, собирал народные песни польского и других славянских народов.
- 25 Например, «*Prząśniczka*» на музыку Станислава Монюшко неизменно пользуется большой популярностью, однако следует заметить, что в массовом сознании поляков автор слов этой песни является неизвестным (!).
- 26 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 7–8.

Frączek M.

At the Source of the Byelorussian Folkloristic: Jan Czczot

The article explores the folklore and ethnographic activity of Jan Czczot, who in his works wanted not only commemorate manifestations of the unique culture for the generations to come, but also wanted to create a scholarly description of the Byelorussian language. The author treats most important facts and works, which characterise Czczot as Byelorussian folklorist and ethnographer.

Keywords: *folkloristic, Byelorussian songs, ethnography, Jan Czczot.*